

Контекстное прочтение: проблемные узлы и их решение (случай В. И. Даля)
Юган Н. Л. "В. И. Даль и русская литература 30–60-х гг. XIX в."

Монографическое исследование Н. Л. Юган посвящено, как можно видеть уже из самого заголовка работы, контекстному прочтению творческого наследия Владимира Ивановича Даля относительно эпохи 30–60-х гг. классического XIX в. Поставленное таким образом весьма объемное задание требует со стороны ученого, в свою очередь, как обобщающих типологических историко-литературных характеристик, так и индивидуальных аналитических практик по отношению к целому ряду творческих персоналий, где важен "говорящий человек и его слово" (М. Бахтин). Если оценивать художественную литературу сквозь призму тернарной модели (укажем здесь конспективно: литература как поле присутствия, литература как поле сосуществования, литература как поле высказывания), то артикулируемая здесь сверхзадача выглядит весьма сложной и даже непростой, несмотря на кажущуюся простоту проблемных узлов и их хитросплетений в данной ситуации. К сожалению, методологические приоритеты и мыслительные предпосылки Н. Юган выражены весьма общо и даже несколько схематично. Поэтому концептуальное содержание книги раскрывается и проблематизируется (в позитивном значении этого слова) уже по ходу знакомства с исследованием.

В первой главе "Особенности сказочного творчества В. И. Даля" внимание литературоведа из Луганска сосредоточено на поэтике жанра литературной сказки, где исследователь неминуемо оказывается перед классической дилеммой словесного представления о литературной сказке и опять же словесного воплощения литературной сказки. Поэтическая мысль анализируемого автора приобретает, насколько можно судить, подобие "вечного соглядатая" (используя хрестоматийное обозначение М. Бахтина), пытающегося уловить и обозначить предметно область памяти, с её особой парадигмой художественности. Метафизика слова видит жанровую формулу (в том числе и литературной сказки) как событие бытия, в котором онтологически и аксиологически присутствует человек, со всеми его упованиями и устремлениями.

Чрезмерное обилие здесь фактологического "сказочного" материала, как нам кажется, несколько затушевывает сам "поступок слова" (М. Бахтин), его миромоделирующий потенциал, за тотальной усред-

ненностью не видна вся далевская картина мира, с ее эстетическими приоритетами и решениями. Можно предположить, что тотальность видения у Владимира Даля (как типологическое качество его прозы) еще требует своего аналитического рассмотрения.

Литературная сказка ориентирована на "общее состояние мира" (используем здесь термин Гегеля), где отдельная человеческая личность растворяется в неизмеримом мифопоэтическом пространстве. На значительном историко-литературном материале Н. Юган пытается проследить динамику далевской сказочной традиции в русской литературе.

Вторая глава "Специфика реализма В. И. Даля 1830-х гг." по преимуществу связана с литературной эпохой и типологическими чертами и характеристиками историко-литературного времени. Архитектоника разговора несколько упрощена из-за аналитического клише "Даль и другие", где формула авторского мышления неминуемо оказывается на периферии начатого небезынтересного разговора. Логика мысли Владимира Даля обозначена Н. Юган достаточно четко и ясно. Правда, иногда автора книги подводит безапелляционность и неаргументированность выдвигаемых и проговариваемых оценок и обобщений. Приведенная мысль М. Липовецкого о сказке как жанре (см. с. 35) могла бы быть использована более продуктивно во многих отношениях.

Традиция, в том числе и жанровая, – это всегда переосмысление чужого опыта. И зримой точкой соприкосновения двух позиций становится пространство текста. Нужно отдать должное Н. Юган в том, что она обращается к целому корпусу имен, обнаруживая при этом похвальное аналитическое чутье и сноровку.

Разговор о сказочной стратегии А. Ремизова – тема отдельного разговора и отдельной исследовательской работы. Подсказка исследователя дорого стоит.

В третьей главе "В. И. Даль между западниками и славянофилами" автор монографии по преимуществу ведет речь о бытийном, житейском, ролевом статусе В. Даля, чьи границы подвижны и изменчивы. Межличностные контакты писателя обильны и многогранны. Но фактографичность материала – это, по сути, внешнее описание. А вот идеологические и эстетические приоритеты проговорены лишь на уровне скупых констатаций, что, по видимому, несколько недостаточно для заявленной темы. Процедура доказательности к этому всячески приводит.

"Опыт языкового бытия" (Вл. Федоров) у Владимира Даля весьма значителен и многогранен, что и показывает очень убедительно автор исследования. Творческое поведение писателя можно обозначить как метаязыковое самоописание, в основе которого лежит ана-

литика опыта, то есть прожитого и пережитого. Памятуя, что "всякий, кто вообще понимает, понимает иначе" (мысль Г. Г. Гадамера), можно возразить, что Гоголь 40-х гг. – это совсем другой Гоголь, о чем, в принципе, уже много написано. И оценивать Е. Гребинку сквозь реалистическую призму несколько некорректно. Поневоле Н. Юган затрагивает здесь старые вопросы, требующие иного разрешения.

Четвертая глава "Идейно-художественное своеобразие далевого творчества 1840–1860-х гг." удачно реконструирует витальный поток в творческом опыте писателя. Семантика изображаемого представлена через событийное вторжение. Автобиографизм как качество прозы В. Даля демонстрирует различные степени проявленности, как показывает Н. Юган. Жаль, что иногда аналитические усилия превращаются в банальный пересказ содержания того или иного произведения В. Даля.

Отдельного разговора заслуживает тема авторского цикла, с его жанровым многоголосием. Удачно рассмотрены особенности архитектоники отдельных циклов писателя. Многие, по мысли Н. Юган, объясняются тематическими приоритетами В. Даля. Человеческие истории как предмет творческой рефлексии автора – это уже иной уровень воплощения человека. За этим стоит и иное миропонимание.

В пятой главе "Традиции и новаторство в творчестве В. И. Даля 1840–1860-х гг." Н. Юган пытается "замкнуть круг" начатого разговора. Автор исследования вновь обращает внимание на понятие "школа Даля" (термин, предложенный Л. М. Лотман), пытаясь его реинтерпретировать, привнеся в его содержание временную перспективу, индивидуальные сюжеты и контакты. Феномен "народного писателя" проясняет лишь внешнюю сторону вопроса. Народный мир в изображении В. Даля неоднороден и даже противоречив по своей сути. Человеческие типы у писателя – тому подтверждение.

Используемый в работе рукописный материал и эпистолярный позволяют говорить о характере традиций В. Даля в русской и украинской литературе.

Работа Н. Юган предстает как заметное слово в отечественном далеведении.